

СОКРАТ

Глава I. СОКРАТ И ЕГО ВРЕМЯ

1. *Личность Сократа.* Представим себе Афины конца V в. до н. э. Это прежде всего рыночная площадь (агора). В центре — большое здание для хлебной торговли. Вокруг агоры расположились общественные здания, на прилегающих узких и кривых улицах — мастерские, парикмахерские, лавки парфюмеров, трапезитов-менял¹, ламповщиков, книготорговцев. С любого места виден Парфенон на Акрополе, возвышающемся над городом.

С утра и до полудня и вечером до ужина агора и прилегающие к ней улицы полны народа. Жадные до новостей и ищущие общения афиняне собираются здесь группами и шумно обсуждают злободневные политические вопросы, страстно разбирают очередной судебный процесс, соревнуются в пересказе забавных историй; здесь же они узнают о последних городских событиях и семейных происшествиях, получают вести из соседних полисов и отдаленных государств, раздувают разного рода слухи и толки.

В Афинах того времени часто можно было видеть человека, который почти целыми днями бродил по городу и вступал в беседу со всяким, кто попадался ему навстречу. Его можно было встретить на рыночной площади, в мастерской оружейника, плотника, сапожника, в гимнасиях и палестрах (места, где проводились занятия гимнастикой) — словом, почти всюду, где только он мог общаться с людьми и вести беседу. В то же время этот человек избегал выступлений в народном собрании, на суде, в других государственных учреждениях. Это был афинянин Сократ, сын Софрониска.

Сократ обращал на себя внимание решительно всем: внешностью и образом жизни, деятельностью и учением. В отличие от платных учителей мудрости (софистов), щеголявших в пышных одеждах, он всегда был одет скромно и нередко ходил босиком. По представлениям греков, столь высоко ценивших телесную красоту и уверенных в своей красоте, Сократ был безобразен: невысокого роста, приземистый, с отвисшим животом, короткой шеей, большой лысой головой с огромным выпуклым лбом. Смягчить впечатление от его некрасивой внешности не могла даже полная достоинства походка.

Эллинский тип красоты отличался правильными чертами лица, тонкими губами, прямым носом, сверкающими глазами, проникновенным взором. У

---

¹ Трапезиты в Древней Греции — менялы, которые занимались обменом, хранением, экспертизой, переводом денег, а также выдавали ссуды под высокие проценты.

Сократа же был приплюснутый и вздернутый нос, широкие и раздутые ноздри, толстые и чувственные губы, одутловатое лицо. Глаза у Сократа были навыкате (как у рака), да и по всегдашней своей манере смотрел он чуть исподлобья. Словом, внешний вид Сократа противоречил всем представлениям греков о красоте, был как бы насмешкой над этими представлениями, карикатурой на них. Однако этот человек со столь непривлекательным внешним обликом обладал огромным личным обаянием.

По словам красавца Алкивиада, Сократ похож на силену или сатира — волосатого похотливого демона, наполовину человека, наполовину козла, которого ваятели чаще всего изображают с какой-нибудь дудкой или флейтой в руках, эту фигурку они делают полой. Если раскрыть этот силенообразный футляр и заглянуть внутрь, то там окажутся изумительно прекрасные золотые изваяния богов. Таков и Сократ. Внешне он вылепленный силен, настоящий сатир Марсий. Мифологический Марсий потрясал и покорял игрой на флейте. Сократ же поражал и завораживал слушателей, когда начинал говорить и раскрывать свою душу.

И тот же Алкивиад признавался, что только перед Сократом он испытывал то, чего никто за ним не мог заподозрить, — чувство стыда. «Одним словом, — говорит Алкивиад, — я и сам не ведаю, как мне относиться к этому человеку... Да будет вам известно, что ему совершенно неважно, красив человек или нет, — вы даже не представляете себе, до какой степени это безразлично ему, — богат ли и обладает ли каким-нибудь другим преимуществом, которое превозносит толпа. Все эти ценности он ни во что не ставит, считая, что и мы сами — ничто, но он этого не говорит, нет, он всю свою жизнь прикидывается наивным и разыгрывает людей»².

Но Алкивиада поражает в Сократе не его лукавая наивность и коварное добродушие, не его необычайное мужество и стойкость, проявленные им в бою, ни даже столь присущие ему благоразумие и сила ума. Ведь те или иные из этих качеств, говорит Алкивиад, бывают свойственны и какому-либо другому лицу. Более всего поражает Алкивиада неповторимость индивидуальности Сократа, исключительная оригинальность его духовного облика, в котором скрывается что-то непостижимое, загадочное, неуловимое, сокровенное. «...А вот то, что он не похож ни на кого из людей, древних или

---

² С. К. Апт, переводом которого мы пользуемся, передает последние слова цитируемой фразы из «Пира» Платона в следующей редакции: «...морочит людей притворным самоуничижением». Судя по контексту всего отрывка, мы полагаем, что здесь идет речь не столько о притворном (нравственном) самоуничижении Сократа, сколько о его притворной (интеллектуальной) наивности относительно тех ценностей (благ), которые превозносит толпа. Этим он разыгрывает, одурачивает людей, подшучивает над ними. К тому же Алкивиад, называя Сократа «силеноподобным», говорит не о его «притворном самоуничижении», а о притворном его неведении, «незнании», «непонимании». Наконец, сказанное больше согласуется со знаменитым изречением Сократа «Я знаю, что ничего не знаю».

ныне здравствующих, — это самое поразительное. С Ахиллом, например, можно сопоставить Брасида и других, с Периклом — Нестора и Антенора, да и другие найдутся; и всех прочих тоже можно таким же образом с кем-то сравнить. А Сократ и в поведке своей, и в речах настолько своеобразен, что ни среди древних, ни среди ныне живущих не найдешь человека, хотя бы отдаленно похожего на него. Сравнить его можно, как я это и делаю, не с людьми, а с силенами и сатирами — и его самого, и его речи».

Таким предстает Сократ в «похвальном слове» Алкивиада, в его панегирике Сократу, написанном первоклассным стилистом и мастером образных сравнений Платоном. Разумеется, Платон идеализировал Сократа. Тем не менее за этим идеализированным Сократом скрывается исторический Сократ.

Платон интересовался философией, а не биографиями. Поэтому он концентрировал свое внимание на беседах Сократа вне семьи, в мужском обществе — на рынке, в палестрах и в частных домах. Платон, по-видимому, стремился не столько показать внешнее «бытие» Сократа в мире повседневности, сколько раскрыть внутреннее «бытие» философа. И если Платон изображал Сократа обыденного, т. е. того Сократа, за которого он себя выдавал и за которого многие люди его принимали (за чудака), то лишь затем, чтобы привлечь внимание читателя к оригинальному духовному облику этого человека.

<...>

2. *Человек среди людей.* У греков времен Сократа не было обычая писать биографии. Они ставили на первый план общественную деятельность человека как гражданина полиса и уделяли мало внимания его личной жизни (кроме, разумеется, особых случаев); полноценным гражданином полиса они считали того, кто активно участвовал в общественной жизни и заботился о благе полиса как единого целого. Эллы не мыслили себя вне полиса и политики. Не случайно греческие философы (Демокрит, Аристотель) определяли гражданина полиса как общественно-политическое существо.

Учитывая склонность греков к социально-политической истории, преобладание у них интереса к общественной и государственной деятельности, можно понять, почему историки классической Греции, описывая события, борьбу партий и государств, говорили преимущественно о выдающихся личностях, отличившихся на политическом, государственном, военном поприщах; те же историки немного оставили нам о мыслителях, писателях и художниках. Об их биографиях мы нередко узнаем из описания их общественно-политической деятельности.

Возможно, мало знали бы мы и относительно жизни и личности Сократа, если бы не превратности его личной судьбы, если бы его деятельность не стала предметом судебного разбирательства, в результате которого ему был вынесен смертный приговор. Само же судебное

преследование и осуждение Сократа приобрели характер принципиального общественно-политического вопроса, вокруг которого вскоре после его смерти разгорелась острая идейная борьба между теми, кто считал преследование философа правомерным, и теми, кто был с этим в корне не согласен. К числу последних, как мы уже знаем, относились ученики и друзья Сократа — философ Платон и историк Ксенофонт.

Платон и Ксенофонт могли по-своему понимать, освещать и оценивать личность, жизнь и деятельность Сократа, но у них не было никакой надобности (это было бы опрометчиво) делать «поправки» биографически-фактического порядка, т. е. выдумывать нечто такое, чего с ним не бывало, и даже приписывать ему черты характера, которыми он не обладал.

Достоверно известно, что Сократ был казнен в 399 г. до н. э., когда ему было 70 лет. Это значит, что он родился в 469 г. до н. э. или годом раньше. Отметим также, что дата рождения Сократа совпадает с годом, когда афинский полководец Кимон, сын знаменитого Мильтиада, одержав крупную победу над персами у южного берега Малой Азии (в Памфилии), положил конец гегемонии персов в Средиземноморье.

Сократ происходил из дема (территориального округа) Алопека, входящего в состав Афин и расположенного от Афин на расстоянии получасовой ходьбы. Из того же дема происходил Аристид, видный политический и военный деятель периода греко-персидских войн, умерший за два года до рождения Сократа. Из слов Лисимаха, сына Аристида, мы узнаем, что он, Лисимах, и отец Сократа были добрыми друзьями.

Отца Сократа звали Софрониском, мать — Фенаретой. По роду деятельности Софрониск был то ли квалифицированным каменотесом, специализировавшимся на отделке мрамора для скульптурных работ, то ли ничем не отличившимся ординарным скульптором. Во всяком случае, имея в виду отношение своего отца к художественной деятельности, Сократ в шутку говорил, что его род восходит к Дедалу — предку всех скульпторов. Фенарета была повивальной бабкой. В связи с этим Сократ делал забавное сравнение своего метода ведения беседы с повивальным искусством.

Можно с уверенностью сказать, что Сократ получил такое же первоначальное образование, которое имели молодые афиняне его времени: он должен был получить «мусическое и гимнастическое воспитание». Под «мусическим» воспитанием подразумевалось не только общее музыкальное образование (умение играть на флейте и кифаре, пение и пляска), но и литературно-словесное — изучение языка (письмо и чтение), заучивание наизусть и комментирование текстов эпических, лирических и трагических поэтов (Гомера, Гесиода, Пиндара и др.).

В программу начального образования входило также обучение счету (арифметика и начала геометрии). Особое место в греческой школе, которую начинали посещать дети с семи лет, занимала гимнастика. Гимнастика, в

которую входили бег, метание диска и дротика, борьба и т. п., была предметом серьезных занятий с 12—13-летнего возраста и диктовалась государственной необходимостью: гражданин полиса обязан был в любой момент выступить в поход и с оружием в руках защищать отечество.

Сократ был сведущ в науках своего времени (в частности, в математике, астрономии и метеорологии), а в молодые годы увлекался науками о природе, но молва создала после его смерти разные небылицы по этому поводу. К числу таких небылиц следует отнести как предание о «невежественности» Сократа, так и произвольные утверждения иных древних авторов о том, что он мог получить от своего блестящего века — века правления Перикла и деятельности Фидия, Софокла, Еврипида, Анаксагора и др. Иронизируя над некоторыми из этих измышлений, Платон выдает Аспизию, жену Перикла, отличавшуюся умом, образованностью и красотой, за женщину, обучавшую не только Сократа, но и даже самого Перикла ораторскому искусству. Однако здесь верно лишь то, что в доме Аспазии собирались художники, поэты и философы, и не исключено, что в число последних входил также Сократ.

Об имущественном положении Сократа и его семейной жизни, вокруг которых еще в древности (особенно в поздней античности) было сочинено немало забавных историй, необходимо сказать следующее: Сократ, говоря о своем материальном состоянии, которое не нуждается в «увеличении», оценивает свой дом и все свое движимое и недвижимое имущество в 5 мин (около 150 руб. золотом), а имущество богатого Критобула, с которым он ведет беседу, — в 500 мин. Из приведенного следует, что Сократ был скорее беден, чем богат. Он получил небольшое наследство и, по словам Ксенофонта, вел неприхотливый образ жизни и не жаловался на свою судьбу. О своей бедности как общеизвестном факте он говорил и на суде, заявив, что, занявшись философской деятельностью, он забросил все свои хозяйственные дела и терпел домашние неурядицы.

Неурядицы, о которых он говорил, были отчасти связаны с его женой — небезызвестной Ксантиппой, которая еще в древности приобрела громкую репутацию сварливой и несносной женщины. Ее имя и поныне является нарицательным. Но будем справедливы в отношении этой женщины. Нельзя сказать, что у Ксантиппы как обыкновенной, вообще говоря, жены не было никаких оснований для недовольства мужем, который целые дни проводил на афинских улицах и площадях, беседуя со своими друзьями и знакомыми. Если она была женой, далекой от философских увлечений и проповеднической деятельности мужа, то и он был мужем, свалившим на жену все заботы, о домашнем хозяйстве и воспитании детей (у них было трое сыновей — Лампрокл, Софрониск, названный по деду, и Менексен). Иначе говоря, духовно близким человеком и другом, понимавшим деятельность мужа и разделявшим его взгляды и убеждения, Ксантиппа, конечно, не была. Но и он не был образцовым семьянином и не всегда выполнял даже роль «квартиранта». Добавим, что Ксантиппа не была человеком, отличавшимся

большим тактом, и в отличие от мужа не всегда управляла своим настроением. Говорят, браня супруга, она называла его «болтуном» и «бездельником», нередко устраивала ссоры (выливала на него помои, выгоняла из дома его друзей, опрокидывала стол и т. п.), — на что Сократ реагировал с истинно философской невозмутимостью. Несомненно, что у многих античных авторов было большое желание противопоставить невозмутимость философа, которому волей судьбы досталась сварливая жена, и ворчливость женщины, на долю которой выпал беспечный муж. Забавляясь такого рода противопоставлениями, древние авторы сочиняли новые.

Ксантиппа была заботливой матерью и по-своему любящей женой, о чем свидетельствуют современники и друзья Сократа — Ксенофонт и Платон. Но тот же Ксенофонт сообщает, что старший сын Ксантиппы — Лампрокл жалуется на ее тяжелый характер. Наряду с этим Антисфен в шутку спрашивал Сократа, почему он, считая, что способности женщин такие же, как и мужчин, не воспитал Ксантиппу и продолжает жить с «женщиной, сварливее которой ни одной нет на свете». Отвечая в том же тоне, Сократ заметил: «...люди, желающие стать хорошими наездниками... берут себе лошадей не самых смиренных, а горячих... Вот и я, желая быть в общении с людьми, взял ее себе в том убеждении, что если буду переносить ее, то мне легко будет иметь дело со всеми людьми». Намекая на сварливость самого Антисфена, Ксенофонт многозначительно добавляет, что последняя «фраза сказана была, по-видимому, не без цели».

Имеется основание полагать, что Сократ женился довольно поздно (когда ему было более сорока лет). Исследователи не раз указывали, что, будь Сократ женат на Ксантиппе ранее 423 г. до н. э., Аристофан не упустил бы случая использовать образ сварливой Ксантиппы в своей комедии «Облака», поставленной на сцене в 423 г. до н. э. Кроме того, известно, что во время суда над Сократом (399 г. до н. э.) старший сын его был молодым человеком лет двадцати, а младшие его сыновья были еще малолетними детьми.

Исходя из некоторых сведений, можно предположить, что Сократ при всей его сдержанности и самообладании был страстным человеком. Цицерон в своих «Тускуланских беседах» рассказывает такой эпизод. Некий физиономист Зопир, увидев Сократа (и судя, очевидно, по его толстым, чувственным губам), нашел в нем много признаков порочной и сладострастной натуры. Зная о сдержанности Сократа и об умеренном образе его жизни, все присутствующие стали смеяться над физиономистом, но Сократ вступился за него: он сказал, что свои вожеления он победил с помощью разума.

3. «Век Перикла». Сократу исполнилось 20 лет, когда полувековая борьба (500—449 гг. до н. э.) эллинов против персов, потребовавшая от афинян много сил и энергии, увенчалась полной победой. Эта победа привела к торжеству афинской демократии и подъему культуры, наивысший расцвет

которой приходится на период правления Перикла (444—429 гг. до н. э.). В «век Перикла» Афины, достигшие зенита своего внутреннего благосостояния и внешнего могущества, стали центром греческой демократии и греческой культуры. Сократу было 65 лет, когда Афины потерпели полное поражение в Пелопоннесской войне (431—404 гг. до н. э.) и утратили былую роль ведущей державы на международной арене. Сократ явился свидетелем величия и падения Афин. Его жизнь и деятельность протекали в один из напряженнейших периодов афинской и всей греческой истории.

Чтобы определить место и значение Сократа в истории Афин и греческой культуры, мы должны будем выделить некоторые существенные моменты общественно-политической жизни древних греков и охарактеризовать хотя бы в самых общих чертах тот поворотный пункт в их истории, который связан с Пелопоннесской войной и который сказался на личной судьбе философа.

Древние эллины (периода классики во всяком случае) — народ гражданской общины, полисный народ. Обычно полис рассматривается как сравнительно небольшой по территории и по количеству населения город-государство с окружающей его сельской местностью. Это верно, но не вполне. Полис — это в первую очередь гражданская община, общество или сообщество некоего количества свободных граждан, каждый из которых «участвует в суде и народном собрании» демократического полиса или же имеет право совещательного голоса (соучастия) в органах власти и управления в недемократическом (олигархическом) полисе.

Преимущество полисной формы государственной организации перед неполисными («варварскими») формами в глазах греков состояло в том, что первая обеспечивала совмещение в одном и том же лице начала властвующего и начала подчиненного, а вторая односторонне регламентировала власть одних людей (или одного человека) и подчиненно-бесправное положение других. Основное различие между греками и «варварами» (негреками), особенно «варварами» Азии, они усматривали в неспособности (или в гораздо меньшей способности) грека жить в условиях подчинения и терпеть единовластие. Представление о полисе как о высшей и типично греческой форме государственного бытия было одним из коренных убеждений греков классического периода. Согласно А. И. Доватуре, «даже отсутствие территории у города не мешало грекам (при наличии других характеризовавших полис признаков) осознавать его как полис». Греки не мыслили себя вне полиса. Многие из граждан демократических полисов стремились принять активное участие в делах полиса, опасаясь, что иначе события могут принять иное, нежелательное для них направление.

Полисная система была одной из главных причин расцвета греческой культуры, но вместе с тем одним из решающих факторов ее падения. Пока многие из полисов были едины против нависшей над ними угрозы персидского порабощения, они могли отстоять свою свободу и независимость.

Но когда назрели межполисные противоречия и борьба за гегемонию над всей Грецией между Афинами и Спартой приняла форму ожесточенной и опустошительной Пелопоннесской войны, судьба полисной системы была предрешена.

В одном только Афинском союзе было около двухсот полисов. Такой «атомизм» великого множества полисов, различающихся по величине территории и количеству населения, по степени экономического развития, уровню культуры и формам государственного правления, и постоянное столкновение их интересов делали систему политически независимых полисов исторически кратковременным явлением. Непрочными были и образовавшиеся в ходе греко-персидских войн мощные союзы под главенством Афин и Спарты. В каждом из этих союзов установилась система господства и подчинения.

Когда имеется в виду олигархическая Спарта, то неравноправные отношения в возглавляемом ею Пелопоннесском союзе еще как-то понятны, ибо она не признавала демократических принципов свободы и равенства как во внутренней государственной жизни, так и в межсоюзных отношениях. (Справедливости ради заметим, что Спарта, поддерживая олигархию в союзных и других городах, в отличие от Афин не придерживалась политики жесткой централизации в своем союзе.) Когда же речь заходит о возглавляемом демократическими Афинами союзе, об установившихся здесь отношениях господства и подчинения, то поневоле возникают вопросы: почему Афины, прославившиеся своей демократией и поддерживавшие демократов в союзных городах, выступали столь антидемократически, когда дело касалось демократии в рамках Афинского союза? Чем объяснить, что афиняне и их государственные деятели играли роль двуликого Януса во внутренней жизни своего полиса и во внешних делах Афинского союза? Почему афиняне вместо того, чтобы подавлять силой недовольство союзников, не связали их неразрывными узами с собой, распространив на них права афинского гражданства, т. е. уравнив их в правах с гражданами Афин, как впоследствии поступили римляне со своими покоренными соседями? Почему Афинам, заинтересованным в упрочении Союза, нельзя было встать на путь общности интересов, избрать принцип органического слияния интересов всех членов союза вместо установленного ими принципа механического централизма?

Ответы на поставленные вопросы отчасти можно найти в отмеченной выше приверженности эллинов к полису, а также в существующем положении дел в Афинском морском союзе — в том, что многие союзники, как известно, сами передали власть над собой Афинам. Далее, сложившиеся в Афинском союзе отношения, взятые вместе с панэллинской программой Перикла и его стремлением возвысить Афины, надо полагать, укрепляли тезис о принципиальной тождественности интересов Афин и интересов не только союзников, но и всей Эллады: «...благо всей Греции представлялось ему

неразрывно связанным с преобладанием, могуществом и славой Афин».

Нельзя сказать, чтобы панэллинская программа Перикла не соответствовала объективной исторической тенденции развития греческого мира, т. е. исторической необходимости объединения Греции вокруг единого центра. Однако пути и средства объединения Эллады, избранные Периклом и в особенности его преемниками, были в сущности неверными и исторически малооправданными. Их отрицательные последствия, не говоря уже о чисто военных просчетах афинских стратегов и политиков после Перикла, сказались на исходе Пелопоннесской войны.

Если во внешнеполитической жизни и в международных отношениях притязания Афин на руководящую роль над всей Грецией потерпели в конечном счете провал, то в области культуры этот полис, став в эпоху Перикла центром греческой культуры, доказал свою способность оставаться в духовной сфере гегемоном Эллады в течение двух последующих веков, если не всей античности. Одним из тех, кому Афины обязаны своей заслуженной славой «школы Эллады», и был Сократ. Но об этом речь пойдет позже. Здесь же мы обратимся к деятельности философа в области общественно-политической жизни, в частности к дошедшим до нас сведениям о его участии в событиях, разыгравшихся в период Пелопоннесской войны.

4. *Общественно-политическая деятельность Сократа.* Об этой стороне жизни философа имеются достаточно полные сведения. Сократ принимал участие в трех военных операциях в качестве гоплита, тяжело вооруженного пехотинца, и проявил себя мужественным и выносливым воином, не теряющим присутствия духа при отступлении войска и верным по отношению к боевым соратникам. За год до начала Пелопоннесской войны Сократ участвовал в осаде Потидеи, которая объявила о своем выходе из Афинского союза. Услышав об этом, афиняне отправили туда 40 кораблей с «двухтысячным отрядом гоплитов». В битве под Потидеей был ранен Алкивиад, и, если бы не Сократ, вынесший его с поля боя, он был бы пленен. После битвы спасенный Алкивиад просил присудить почетную награду Сократу. Но афинские военачальники, считаясь как с высоким положением Алкивиада, так и с тем, что Сократ больше всех ратовал за Алкивиада, присудили награду последнему. Так рассказывает о Сократе Алкивиад в диалоге Платона «Пир».

Начавшаяся затем осада Потидеи и сопряженные с ней лишения и невзгоды продолжались с 432 по 429 г. до н. э. Платон устами Алкивиада так изображает поведение Сократа во время осады Потидеи. «Начну с того, — говорит Алкивиад, — что выносливостью он превосходил не только меня, но и вообще всех. Когда мы оказывались отрезаны и поневоле, как это бывает в походах, голодали, никто не мог сравниться с ним выдержкой. Зато когда всего бывало вдоволь, он один бывал способен всем насладиться; до выпивки он не был охотник, но, уж когда его принуждали пить, оставлял всех позади, и,

что самое удивительное, никто никогда не видел Сократа пьяным... Точно так же и зимний холод — а зимы там жестокие — он переносил удивительно стойко, и однажды, когда стояла страшная стужа и другие либо вообще не выходили наружу, либо выходили, напялив на себя невесть сколько одежды и обуви, обмотав ноги войлоком и овчинами, он выходил в такую погоду в обычном своем плаще и босиком шагал по льду легче, чем другие обувшись. И воины косо глядели на него, думая, что он глумится над ними...»

Разумеется, можно думать, что Платон приукрасил выносливость и стойкость Сократа, его хладнокровие в минуты опасности, но измышлять сам факт участия Сократа в битве при Потидее Платону не было никакой надобности.

Алкивиад приводит также следующий случай из походной жизни Сократа во время осады Потидеи: «Как-то утром он о чем-то задумался и, погрузившись в свои мысли, застыл на месте, и, так как дело у него не шло на лад, он не прекращал своих поисков и все стоял и стоял. Наступил уже полдень, и люди, которым это бросалось в глаза, удивленно говорили друг — другу, что Сократ с самого утра стоит на одном месте и о чем-то раздумывает. Наконец вечером, уже поужинав, некоторые ионийцы — дело было летом — вынесли свои подстилки на воздух, чтобы поспать в прохладе и заодно понаблюдать за Сократом, будет ли он стоять на том же месте и ночью. И оказалось, что он простоял там до рассвета и до восхода солнца, а потом, помолившись солнцу, ушел».

Вероятно, в данном случае преувеличена способность Сократа отключаться от внешнего мира и всецело погружаться в свои мысли. Из текста следует, что сам Алкивиад не был свидетелем этого эпизода: он пересказывает рассказы ионийцев, по словам которых Сократ простоял на ногах целые сутки, пребывая в состоянии какого-то транса.

В первый период Пелопоннесской войны, называемый Архидамовой войной (431 — 421 г. до н. э.), Сократ участвовал также в битве при Делии, на аттико-беотийской границе, в 424 г. до н. э. В этом крупном сражении афинское войско, состоявшее из 7 тыс. гоплитов и тысячи всадников, потерпело тяжелое поражение. Сократ сражался рядом с мужественным Лахесом. В диалоге, носящем его имя, характеризуя поведение Сократа, Лахес говорит: «Я был с ним во время отступления, и, если бы остальные были в мужестве похожи на Сократа, наш город процветал бы и не впал в несчастье». Еще более выразительно изображает поведение Сократа во время отступления Алкивиад: «...мне казалось, что и там, так же как здесь (в Афинах. — Ф. К.), он шагал, говоря твоими, Аристофан, словами, “чинно глядя то влево, то вправо”, т. е. спокойно посматривал на друзей и на врагов, так что даже издали каждому было ясно, что этот человек, если его тронешь, сумеет постоять за себя, и поэтому они благополучно завершили отход. Ведь тех, кто так себя держит, на войне обычно не трогают, преследуют тех, кто бежит без оглядки».

Наконец, в 422 г. до н. э. Сократ участвовал в битве при Амфиполе. В

этой битве, как и в сражениях при Потидее и Делии, Сократ вел себя отважно и стойко: он, «подобно любому другому, оставался в строю... и подвергался смертельной опасности». Когда Пелопоннесская война возобновилась и афиняне предприняли злополучную Сицилийскую экспедицию (415 г. до н. э.), Сократу было уже за 50 лет. Поэтому естественно предположить, что в этих и в последующих военных действиях Пелопоннесской войны он непосредственного участия не принимал.

Сократ проявил не только военную доблесть на полях сражений, но и гражданское мужество в сложных перипетиях общественно-политической жизни своей родины. Правда, в вопросе об участии в политике государства, в деятельности его учреждений Сократ избрал весьма своеобразную позицию. Он сознательно избегал участия в государственной жизни, мотивируя это принципиальным расхождением его внутреннего убеждения относительно справедливости и законности с наблюдаемым множеством «несправедливостей и беззаконий, которые совершаются в государстве». В то же время он не считал себя вправе уклоняться от выполнения гражданских обязанностей (посещение народного собрания, участие в суде присяжных и т. п.), налагаемых на него законами государства.

Вопреки нежеланию Сократа выступать на общественно-политическом поприще и занимать сколько-нибудь ответственную государственную должность, на склоне лет ему пришлось играть роль активного политического деятеля и на деле доказать, в какой степени он способен защищать законность и справедливость перед лицом своих сограждан вопреки воле большинства из них. Это произошло в конце Пелопоннесской войны.

Поистине велики стойкость и мужество афинян, проявленные ими в критические моменты своей истории. Их победа над персидским колоссом — одно из самых поразительных событий в истории античности. Афиняне совершили удивительные подвиги и в Пелопоннесской войне. Хотя грандиозная Сицилийская экспедиция окончилась такой же грандиозной катастрофой в 413 г. до н. э., она не смогла сломить воли афинян к сопротивлению: с необычайным упорством и энергией они продолжали борьбу в течение еще целых десяти лет с переменным успехом. Они не потеряли надежды на победу и после вызванного сицилийским разгромом выхода из Афинского союза ряда главных островных и малоазиатских полисов (Хиос, Лесбос, Фасос, Эфес, Милет и др.) и перехода их на сторону Спарты. Если же иметь в виду неудачу афинян в морской битве у мыса Нотия около Эфеса в 407 г. до н. э., то создается впечатление, что это поражение не подорвало их уверенность в своих силах и побудило к усилению сопротивления. Во всяком случае вслед за этим поражением афиняне предприняли энергичные меры и вновь снарядили большой флот. Летом 406 г. до н. э. афинский флот одержал блестящую победу над пелопоннесским при Аргинусских островах близ острова Лесбос. Это была последняя победа афинян в Пелопоннесской войне; она имела редкие по неожиданности

последствия: военное счастье обернулось большой бедой для победителей-стратегов. Вместо наград и почестей в Афинах их ожидали неправый суд и строгая кара. Произошло следующее.

Разыгравшаяся после сражения сильная буря помешала победителям спасти экипаж тонущих судов, а также подобрать и похоронить трупы погибших, как того требовал обычай и закон. В религиозном сознании греков придавалось большое значение погребальным почестям. Когда весть о победе дошла до Афин и стали известны ее подробности, в народе пошли толки, начались волнения и закипела страстная борьба вокруг вопроса о предполагаемых виновниках печального события. Последовало возбуждение судебного дела против шести из восьми отозванных в Афины стратегов, в том числе против Перикла, сына Перикла от Аспазии. Рассмотрение дела было передано пританею, периодически собиравшейся из состава Совета пятисот и состоявшей из 50 человек. Название «пританея» происходит от соответствующего наименования десятой части года, в течение которой она функционировала, после чего сменялась очередной пританею. Члены пританеи назывались пританами.

Случилось так, что во время судебного процесса над стратегами исполнять обязанности пританов была очередь филы Антиохиды, в которую входил Сократ от дема Алопеки. Вопреки обычным нормам афинского судопроизводства, запрещавшим судить и выносить приговор огульно, требовавшим судить каждого виновного в отдельности и выносить приговор индивидуально, один из членов Совета пятисот, Калликсен, внес предложение прекратить дальнейший допрос военачальников и решить вопрос об их вине, вместе взятых, путем голосования, хотя и тайного, в народном собрании, а не на суде присяжных, как это требовалось судопроизводством. Это предложение, как противозаконное, большинством пританов сначала было отклонено. Однако, как и в предыдущие бурные дни разбирательства, последовали угрозы в адрес пританов и эпистата, главы пританов. Это возымело действие: предложение Калликсена было принято пританами, за исключением одного из них, голосовавшего против. Этим единственным пританом, который не побоялся угроз и непоколебимо оставался на страже закона и законности, был Сократ. Твердость Сократа едва ли не стоила ему жизни или во всяком случае заключения в тюрьму.

Как известно, все шесть стратегов были осуждены и казнены. Так афиняне сами обезглавили свой флот, что не могло не сказаться на дальнейшем ходе военных действий. Осенью 405 г. до н. э. в битве при Эгоспотамосе афиняне потерпели полный разгром, окончательно решивший исход долгой изнурительной Пелопоннесской войны.

Несмотря на всеобщее отчаяние, охватившее афинян, они не хотели примириться с поражением и решили продолжать борьбу. По предложению одного из лидеров демократической партии, Клеофонта, был принят закон о предании смертной казни всякого, кто заговорит о мире. Однако Пирей был

блокирован неприятельским флотом, а Афины окружены с суши и таким образом отрезаны от всего остального мира. Среди осажденных начался голод и стали распространяться болезни. В этих условиях взяла верх олигархическая партия, стоявшая за немедленный мир со Спартой. Клеофонта предали суду и казнили. В 404 г. до н. э. был заключен мир со Спартой и власть перешла в руки Тридцати тиранов во главе с крайним олигархом Критием. Одно время Критий входил в число слушателей Сократа.

При их правлении неповиновение Сократа властям было примером гражданского мужества. Получив вместе с четырьмя другими лицами приказ об аресте противника олигархов Леонтия Саламинского, осужденного на казнь, он демонстративно отказался от выполнения приказа, несмотря на реальную угрозу самому стать жертвой террора. О неприязни Сократа к правительству Тридцати свидетельствует также Ксенофонт. Таким образом, Сократ вел себя с достоинством независимого гражданина и поступал сообразно своим представлениям о законности и справедливости во время правления Тридцати тиранов, презревших всякую законность и справедливость.

Точно так же он поступал при демократическом строе и выступал против большинства, когда оно было готово в тех или иных случаях отступить от закона и законности, нарушать им же самим установленные и обязательные для всех законы, вместо того чтобы исполнять их всегда и во всех жизненных ситуациях. Ведь если закон и закрепленную им справедливость (т. е. правовую норму) можно нарушать по какому-то «особому» случаю, то нет никаких гарантий, что в многообразии жизненных ситуаций они не будут попораны по другому «особому» случаю и, стало быть, вместо господства закона, права и справедливости общество окажется во власти беззакония, бесправия и несправедливости, в обстановке анархического своеволия, даже если это и своеволие большинства.

Дело в том, что афинская демократия, которая в период правления Перикла (444—429 гг. до н. э., кроме 430) сочетала в себе автократию с демократией, при его преемниках приняла более радикальную форму, в результате чего полномочия народного собрания стали все более расширяться за счет компетенции Совета пятисот и суда присяжных, гелиеи.

Распоряжаясь почти всеми сторонами государственной жизни посредством «псефизм» (постановлений), народное собрание в последней четверти V в. до н. э. стало пренебрегать законами, точнее, стирать различие между постановлениями и собственно конституционными законами. В результате утраты этого различия, свидетельствовавшей о начале конца афинской демократии, начали распространяться представления, что народное собрание может делать все, что угодно. Между тем в пору расцвета афинской демократии народ ограничивал себя законом, признавал его господство над собой. Вспоминаются вещие слова Гераклита Эфесского: «Народ должен сражаться за закон, как за свои (городские) стены», «Своеволие следует гасить

скорее, чем пожар».

Сократ был одним из тех, кто сознавал опасные последствия отхода от законов, и в частности замены их псефизмами. Он пытался бороться, хотя и безуспешно, против этой тенденции, наметившейся в конце V в. до н. э. В призыве следовать законам по существу и состоит то, что считается антидемократизмом или аристократизмом Сократа. Вопрос этот сложен, поэтому рассмотрим его более подробно.

5. *Об отношении Сократа к демократии.* Основу благополучия государства и нормального функционирования его учреждений Сократ видел в нерушимости законов, в повиновении граждан законам. Вождь афинского демоса Перикл также усматривал в качестве одного из главных устоев демократии нерушимость законов государства и повиновение лицам, облеченным властью в данное время.

В отрицательном отношении Сократа к нарушению законности не было по сути дела ничего антидемократического. Вряд ли что-либо антидемократическое, по нашему мнению, заключалось и в сократовском понимании «аристократии». По свидетельству Ксенофонта, Сократ считал «аристократией» (буквально — «власть лучших») только тот государственный строй, где «должностные лица выбираются из людей, исполняющих законы». Где же тут защита Сократом «аристократии» в смысле «власти родовой знати»? В том же тексте Ксенофонта Сократ определяет плутократию (буквально — «власть богатства») как форму правления, при которой выбор должностных лиц определяется по имущественному цензу. А то, что он именует «аристократией», не предполагает, как мы считаем, ни привилегии родовой аристократии (привилегии происхождения), ни имущественного ценза плутократии или какого-либо иного ценза, за исключением «ценза» быть способным исполнять законы. «Кого, — спрашивает Сократ у Гиппия, — государство в целом своем составе признает более заслуживающим доверия, как не того, кто соблюдает законы?». Но что такое «законы» в понимании Сократа? На этот весьма важный вопрос мы находим прямой ответ: в беседе о справедливости с софистом Гиппием из Элиды Сократ, отождествляя понятия «законное» и «справедливое», приходит вместе со своими собеседниками к выводу, что государственные законы — «это то, что граждане по общему соглашению написали, установив, что должно делать и от чего надо воздержаться». Естественно, что в глазах Сократа тирания была беззаконием и несправедливостью, правлением «против воли народа и не на основании законов, а по произволу правителей».

Почти с полной уверенностью можно сказать, что Сократ был сторонником умеренной демократии, аналогичной той, которая установилась в Афинах при Перикле. Косвенное подтверждение этому мы находим в отзывах Сократа о Перикле как выдающемся гражданине и государственном деятеле, о снискании им любви сограждан и о его славе «лучшего советника»

отечества. Характеризуя правление Перикла, Фукидид замечает, что Перикл, опираясь на свой престиж и влияние, «свободно сдерживал народную массу, и не столько она руководила им, сколько он ею». «По имени это была демократия, на деле власть принадлежала первому гражданину».

Судя по всему, Сократ решающую роль отводил не столько форме правления (за исключением тирании, которую он осуждал), сколько строгому соблюдению законов и умелому руководству государством. И это не случайно, так как после смерти Перикла в Афинах наступил период господства демагогов в одиозном смысле этого слова. По словам Фукидида, «преемники Перикла скорее были равны между собою; в то же время каждый из них, стремясь стать первым, угождал народу и предоставлял ему управление государством». Если прежде, за редкими исключениями, было невозможно, чтобы человек, не имевший опыта государственного деятеля или не бывший стратегом, руководил народом, то теперь, во времена преемников Перикла, подобные явления стали обычными.

В связи с этим понятна настойчивость Сократа, выдвигавшего требование о необходимости квалифицированного руководства государством. Оно было едва ли не основным в его взглядах на государство и государственное правление. Проводя аналогию между государственным деятелем и кормчим на корабле, он считал, что государством должен руководить лишь тот, кто сведущ в области управления, подобно тому как кораблем может управлять лишь тот, кто обладает необходимыми знаниями, опытом и навыками кораблевождения.

Сократ подвергал критике практику выбора должностных лиц по жребию. Эта критика с античных времен и до наших дней выдвигалась и выдвигается в качестве главного довода в пользу тезиса об «антидемократизме» Сократа.

Рассмотрим вопрос по существу. Сначала обратимся к системе выборов должностных лиц в Афинах V в. до н. э. По этой системе одни должностные лица назначались голосованием в народном собрании, другие — жребием. Так, стратеги в количестве 10 человек всегда выбирались голосованием. По большей части таким же способом назначались финансовые чиновники. Остальные же многочисленные должности — 9 архонтов, 500 членов Совета, 6 тыс. гелиастов, т. е. судей, 10 астиномов (городских надзирателей, нечто вроде комиссаров полиции), 20 хлебных надзирателей, 10 портовых попечителей и т. д. — замещались по жребию. Должности были годовые. По окончании срока полномочий все должностные лица должны были давать отчеты о своей деятельности.

Порядок замещения должностей, принятый в Афинах, запрещал занимать дважды одну и ту же должность, за исключением военной, на которую можно было избирать одно и то же лицо неоднократно, причем непрерывно из года в год. Можно было также состоять членом Совета пятисот дважды в течение жизни. Годичный срок полномочий и порядок очередности

замещения должностей, обеспечиваемый жребием, позволяли привлекать к государственной деятельности почти всех взрослых афинских граждан мужского пола. И было редкостью, чтобы рядовой афинский гражданин не занимал в течение жизни какой-либо должности, подчас весьма ответственной. Эта система замещения должностей по жребию рассматривалась как волеизъявление богов. Она практиковалась отчасти в олигархических государствах и восходила к древнейшим временам, когда религия оказывала непосредственное влияние на все государственные учреждения и когда все магистраты были облечены жреческим достоинством. Во времена Сократа религиозные мотивы выборов по жребию были в значительной степени ослаблены, но усилились мотивы политического характера: крайние демократы в жребии видели гарантию равноправия, а в процедуре замещения должностей путем выборов — признак олигархии.

Поэтому в числе обвинений, выставленных против Сократа, фигурировало и обвинение следующего рода: «Сократ учил своих собеседников презирать установленные законы: он говорил, что глупо должностных лиц в государстве выбирать посредством бобов, тогда как никто не хочет иметь выборного бобами рулевого, плотника, флейтиста или исполняющего другую подобную работу, ошибки в которой приносят гораздо меньше вреда, чем ошибки в государственной деятельности; подобные речи, говорил обвинитель, возбуждают в молодежи презрение к установленному государственному строю и склонность к насильственным действиям».

Нетрудно заметить, что схема обвинения предельно проста: выбор многих должностных лиц посредством бобов есть, мол, основное содержание и чуть ли не краеугольный камень афинской демократии, демократического равноправия. Сократ возражает против таких выборов. Следовательно, Сократ — противник демократии (равноправия), «антидемократ». Таким образом, обвинение было построено на том, что сначала один из признаков афинского демократического строя (выборы жребием) был объявлен решающим, непререкаемым, чтобы затем критику этого признака квалифицировать как подрыв устоев демократии и даже как призыв к «насильственным действиям». Между тем по законам афинской демократии каждый гражданин пользовался полной свободой слова и такой же свободой законодательной инициативы. Всякий гражданин имел право подвергать критике должностных лиц и существующие порядки, мог поставить на обсуждение народного собрания проект нового закона и возбудить вопрос об отмене существующего или устаревшего, выступить с каким-либо предложением или запросом.

В критике Сократом практики выборов должностных лиц по жребию не было ничего противоречащего афинской конституции его времени и, по нашему убеждению, ничего антидемократического. В конце концов Сократ никакой особой программы государственного переустройства не выдвигал, а лишь рекомендовал выбирать на ответственные государственные должности,

так же, как в стратеги, т. е. ничего другого, кроме идеи о целесообразности замены жребия голосованием. Существовавшую практику замещения многих ответственных государственных должностей, например Совета пятисот, жребием он находил нелепой, а некоторые современные авторы называют ее «экстравагантной».

Разумеется, постоянные нападки Сократа на выбор должностных лиц по жребию были не по душе тем, кто склонен был доводить демократический принцип равноправия до той крайности, когда равноправие становилось обезличкой, т. е. таким равенством, при котором во имя якобы общего блага игнорировался вопрос о пригодности данного лица к данной должности. Вместе с тем, имея в виду ходячие и расплывчатые представления о демократии, Сократ требовал ясного определения демократии и ее задач. Этим он ставил своих сограждан в затруднительное положение, приводил их в отчаяние и нередко вызывал недовольство и раздражение.

В своих взглядах на государственное руководство Сократ вышел за пределы своей эпохи. Поэтому философ не был понят многими своими согражданами и даже вызвал к себе вражду, несмотря на то, что ни в каком преступлении (уголовном, военном, культово-религиозном или государственно-политическом) он никогда не был виновен.

Сократ в определенном отношении поднялся также выше предрассудков своего века относительно рабства. Для него, как мы считаем, рабство было категорией исключительно моральной, а не юридической или расовой. Он считал рабами тех людей, которые не знают «прекрасного, доброго, справедливого». К числу рабских натур философ относил невоздержанных и вообще не властных над своими низменными инстинктами: «...невоздержанные находятся в самом скверном рабстве...»

Уважая физический труд, Сократ придерживался убеждения, что «у людей больше нравственности» и справедливости тогда, когда они заняты «полезным трудом», а не тогда, когда ведут праздный образ жизни. Он признавал, что свобода и счастье заключаются в деятельной жизни, а не в том, чтобы только «есть и спать» и ничего не делать. Сократ был противником тирании и крайней демократии. Последняя, по словам Сократа, ратуя за неограниченную свободу, подготавливает «нужду в тирании».

Оставаясь в стороне от непосредственного участия в политической жизни Афин, Сократ считал вместе с тем своим долгом честно выполнять обязанности гражданина и строго соблюдать законы. Но чем в таком случае объяснить судебное преследование Сократа и обвинение в антигосударственной деятельности, выдвинутые против него? Отчасти на поставленный вопрос уже был дан ответ, но полное уяснение его предполагает наряду с изложенным ознакомление с идейной атмосферой и философскими течениями того времени, а также рассмотрение всего учения афинского мыслителя.

6. *Софисты и Сократ.* В V в. до н. э. слово «софист» являлось почетным; им называли людей, отличавшихся своими способностями и талантами, познаниями и опытом в самых различных областях деятельности и культуры: выдающихся государственных деятелей, законодателей и стратегов, философов, врачей, поэтов, актеров и т. д. Но с конца V в. до н. э. это слово, используемое в более узком смысле, относилось уже к платным учителям красноречия и философии. Кроме того, оно начинает употребляться и в отрицательном смысле — как «лжемудрец», «шарлатан», «фокусник» (для распространения этого прозвища более всего постарался Платон).

Появление софистов и софистики (искусства убеждать) в античной Элладе, особенно в Афинах, было обусловлено развитием древнегреческой демократии и всем предыдущим ходом философской мысли, укреплением экономических и культурных связей между греческими полисами и расширением контактов с негреческим миром, знакомством с обычаями и образом жизни других народов.

Зарождение древнегреческой демократии связано со становлением полисов (VIII—VII вв. до н. э.) и с борьбой широких слоев демоса против господства родовой аристократии. В VII в. до н. э. (а конкретно, в Афинах в 621 г. до н. э.) эта борьба привела к изданию писаных законов, к записи действующего по обычаю (неписаного) права родовой знати толковать традицию и осуществлять правосудие. Такая, казалось бы, незначительная мера, как узаконение обычая, имела более важные, чем ограничение произвола родовой знати, последствия: она вносила коренные изменения в правосознание. Если раньше обычай считался божественным установлением и назывался *themis*, то теперь обычай, освобожденный от божественной санкции, превратился в человеческое установление — *nomos* (закон, законоположение), в правовую норму, подлежащую обсуждению.

Реформы Солона (594 г. до н. э.) и Клисфена (509 г. до н. э.), заложившие основы демократического строя в Афинах, способствовали дальнейшему развитию правового и политического рационализма — укреплению идеи о номосе как общей для всех правовой норме, которая может быть заменена другой правовой нормой, более совершенной и рациональной, более отвечающей условиям времени и места. В этом проявлялось представление о законе, праве, государстве и его учреждениях как об относительных явлениях, возникновение и существование которых определяется их целесообразностью, т. е. тем, что признается гражданами полиса за разумное и справедливое для них. Это влекло за собой ряд других вопросов, более общего и принципиального порядка: откуда взялись законы вообще, а также правовые нормы и политические учреждения, какова их природа? Что считать критерием справедливости закона, разумности правовой нормы и на чем основана их обязательность? Что такое справедливость и существует ли она?

Ответ на этот вопрос, данный представителем первого поколения софистов Протагором, примечателен. Он гласит: «...ведь что каждому городу

представляется справедливым и прекрасным, то для него и есть, пока он так считает». Принцип нравственно-правового релятивизма, сформулированный Протагором, характеризует умонастроение эпохи, в особенности ее молодого поколения, для которого общественно-политические проблемы, вопросы о законе и праве, об их происхождении и сущности приобрели первостепенное значение.

Понятно, что обсуждение проблем закона и права легко переводилось на обсуждение обычаев и традиций, религиозных и нравственных устоев общества, которые также становились предметом критического анализа. Вокруг этих проблем происходил оживленный обмен мнениями, возникали острые дискуссии, которые подчас приводили к столкновению взглядов «отцов» и «детей». <...>

В рассматриваемый период отношение к софистам и софистике со стороны общественного мнения было двойственным и противоречивым. С одной стороны, вовлечение всего демоса в решение государственных вопросов вызывало у каждого полноправного гражданина потребность в приобретении известных политических знаний и соответствующих навыков в области управления, а тот, кто хотел обрести влияние среди граждан и отличиться на государственном поприще, стремился достичь еще более высокого уровня общего и политического образования, не говоря уже об овладении искусством слова, в котором, как известно, греки — эти заядлые спорщики — всегда знали толк. Эту потребность и удовлетворяли софисты, которые учили «мыслить, говорить и убеждать».

С другой стороны, общественное мнение с недоверием (и даже с враждой) относилось к учениям софистов и к системе их обучения. Будучи радикальной в политической сфере и столь решительной в ломке традиций, когда дело касалось равноправия в государственном управлении, народная масса оставалась в той же мере консервативной в области культуры, в особенности в сфере религии и религиозной практики.

В качестве примера напомним отмеченный выше случай, когда афиняне вопреки законам осудили и казнили своих стратегов (победителей в битве при Аргинусских островах) по религиозным мотивам. Другой пример связан с чарующим, своенравным, коварным, умным, красноречивым и необыкновенно привлекательным Алкивиадом — самой большой надеждой Афин после смерти Перикла, дяди Алкивиада. Алкивиад был кумиром афинян. Но это не помешало из-за малейшего подозрения его в кощунстве через несколько дней после торжественного избрания главой Сицилийской экспедиции отозвать его в Афины для привлечения к суду. Алкивиад обвинялся в причастности к изуродованию статуй — изображений бога Гермеса. Он в это время уже находился на пути в Сицилию. Возмущенный тем, что разбор дела не произвели еще до отплытия эскадры, как он того требовал, он предал свое отечество и перешел на сторону его заклятого врага — Спарты. Экспедицию возглавил нерешительный и суеверный Никий,

который провел ее менее успешно, чем это, несомненно, сделал бы Алкивиад. (Для уяснения мотивов осуждения Сократа необходимо иметь в виду этот немаловажный эпизод, поскольку Алкивиад некоторое время входил в число друзей философа.)

Болезненно реагируя на случаи нарушения религиозной практики, общественное мнение греческих полисов, как уже отмечалось, с подозрением и недоверием относилось ко всякого рода учениям о природе, и в особенности к новомодным теориям софистов, усматривая в них «нечестие» и «безбожие», посягательство на религиозные и нравственные устои семьи, общества и государства. «Нечестие» (*asebeia*) приравнялось к государственным преступлениям, караемым смертью, поэтому демократические Афины, казалось бы, столь терпимые к свободомыслию, не преминули возбудить судебное преследование против носителей «нечестивых» учений — Анаксагора, считавшего, что небесные тела — это раскаленные массы, а не боги; Протагора, высказавшего сомнение в существовании богов и учившего об относительном, условном характере человеческих оценок; а также Сократа, обвиненного во «введении новых божеств».

Наиболее опасной для традиционных религиозно-мифологических верований греков являлась релятивистская идея софистов о договорном, искусственном характере закона, правовых и нравственных норм. Эта идея шла вразрез с народно-религиозными представлениями о богах как источниках и хранителях закона, права и морали. Более того, релятивистский взгляд на правовые и нравственные нормы как на искусственные установления у некоторых софистов обернулся идеей «естественного» права сильного господствовать над «слабым». Эта идея, теоретически оправдывавшая произвол, подрывала устои общества.

Против релятивизма и субъективизма софистов выступил и Сократ, но с позиций, существенно отличавшихся от позиций широкого круга его сограждан. <...>

Софисты, имея в виду отдельного индивида, указывали на различия между людьми. Софист Горгий заходил в этом отношении настолько далеко, что говорил о невозможности единого понимания какого-либо предмета разными лицами, находящимися в различных условиях. Он считал, что выраженный данным термином единый предмет, составляющий единое содержание мысли, в процессе его восприятия людьми распадается на множество содержаний мысли и теряет свое единство. С этой точки зрения и для одного и того же человека предмет не будет тождественным себе, ибо в разное время и в разных условиях его возможности и способности восприятия будут разными.

В отличие от софистов Сократ был убежден, что при всем многообразии людей, при всем различии их образа жизни, поведения и переживаний всегда имеется нечто, что объединяет их и что может быть выражено единым понятием или идеей. Стало быть, разные лица могут иметь единое понимание

чего-либо. Так, если, скажем, речь идет о добродетели и множестве ее проявлений, то вполне возможно говорить о единой добродетели, о добродетели самой по себе, безотносительно к ее частям (проявлениям). В диалоге Платона «Протагор» Сократ говорит, что существование добродетели как единого целого, аналогично существованию человеческого лица, которое связывает в единое целое свои части: рот, нос, глаза и уши. Как бы ни различались по виду и функциям между собой части лица и как бы они в чем-то ни были сходны, они не составят всего лица, взятые в отдельности. Лицо есть нечто общее, единое и целое; оно неразделимо на части, хотя и состоит из частей. Оно объединяет части, охватывает их все и образует из них целое.

То же самое можно сказать и о добродетели. Она имеет множество проявлений: мужество, справедливость, благочестие, сдержанность и т. д. Но это еще не дает права расчленять единую добродетель на множество кусочков (на множество ее проявлений) и отрицать существование добродетели как целостности, или структуры, выражаясь современным языком. Единство добродетели как целостности и составляет единое содержание мысли, тождественное содержанию понятия в процессе рассуждений разных лиц в разных условиях о добродетели. Сказанное в отношении добродетели полностью применимо и к таким понятиям, как истина, прекрасное, справедливое и т. д.

Имелись также существенные различия в отношении Сократа и софистов к мифу, к мифологическим образам и преданиям. Софисты стремились к аллегорическому истолкованию мифов, пытались найти в мифических представлениях разумный смысл. Так, согласно Продику, религиозно-мифологические образы богов возникли в результате обожествления всего того, что полезно человеку: древние люди обожествляли солнце, луну, реки, источники и вообще все, что поддерживает жизнь человека; по этой причине богиней земледелия была Деметра, богом вина — Дионис, воды — Посейдон, огонь отождествлялся с Гефестом.

Считая попытки интерпретировать мифы о богах и героях бесполезным занятием, Сократ призывал обратиться к исследованию самих себя с тем, чтобы выяснить, каковы люди по своей природе и назначению, каков человек по своей сути и чего вообще он стоит. Этот вопрос Сократ считал единственно важным и серьезным, таким, по сравнению с которым все остальные теряют ценность. Метод, предложенный Сократом для решения этой фундаментальной проблемы, есть метод самопознания. Так понимал и истолковывал один из самых важных моментов учения Сократа его гениальный и самый выдающийся ученик — Платон.

<...>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. *Судебный процесс над Сократом.* По ходу изложения мы неоднократно говорили о причинах и обстоятельствах, повлекших за собой преследование философа в судебном порядке. Поэтому здесь мы начнем с того, что назовем имена тех, кто возбудил судебный процесс против Сократа: молодой и честолюбивый Мелет, посредственный трагический поэт; Анит — владелец кожевенных мастерских, влиятельное лицо среди демократической партии, заклятый враг софистов, к которым он причислял Сократа. Этот приверженец авторитета традиций видел в деятельности Сократа посягательство на религию и мораль, угрозу идеалам государственной и семейной жизни. Третьим обвинителем был оратор Ликон.

Фактически главным обвинителем Сократа являлся Анит, но формально таковым выступил Мелет. (По-видимому, Анит не был уверен в успехе возбуждаемого процесса, поэтому он возложил функции официального обвинителя на Мелета, на случай оправдания Сократа.) Текст обвинения гласил: «Это обвинение написал и клятвенно засвидетельствовал Мелет, сын Мелета, пифеец, против Сократа, сына Софрониска из дема Алопеки. Сократ обвиняется в том, что он не признает богов, которых признает город, и вводит других, новых богов. Обвиняется он и в развращении молодежи. Требуемое наказание — смерть».

Как отмечалось, Сократ постоянно «испытывал» людей и приводил их в замешательство тем, что обнаруживал их невежество в вопросах, в которых они считали себя компетентными. Более того, из «Апологии» Платона мы узнаем также, что молодые люди, особенно сыновья богатых граждан, следуя примеру Сократа, подвергали «испытанию» старших и ставили их в неловкое положение. Естественно, что те, кто оказывались жертвой этого «испытания», видели в Сократе человека, который «портит молодежь». Кроме того, многие из афинян, видя в Сократе «наставника» врагов отечества — Алкивиада и Крития, считали, что он несет ответственность за их преступления. Правда, такого рода политические обвинения нельзя было выдвигать лишь на основании одних связей Сократа с этими лицами. Как-никак Сократ был противником Тридцати тиранов во главе с Критием и чуть было не поплатился головой за отказ исполнить их приказ.

Сократ не переставал подвергать критике некоторые стороны афинской демократии, в частности нападал на практику выбора должностных лиц по жребию. Критику Сократа многие были склонны расценивать как подрыв государственного строя. Таким образом, мотивы, которыми руководствовались обвинители Сократа, были по преимуществу политическими. Однако выдвигать их в качестве основания для обвинения помимо всего прочего не позволяла и амнистия, объявленная восстановленной демократией.

Итак, весной 399 г. до н. э. Сократ предстал перед одной из 10 палат суда

присяжных (гелиеи). В состав суда входило 6 тыс. человек, из которых 5 тыс. были действительными и 1 тыс. запасными судьями. Выбор судей (гелиастов) происходил ежегодно по жребию из числа граждан не моложе 30 лет по 600 человек из каждой 10 фил Аттики. В судебной палате, в которой разбиралось дело Сократа, было 500 человек, точнее, 501, поскольку к четному количеству судей присоединяли еще одного присяжного для получения нечетного числа при голосовании.

Справедливости ради следует сказать, что Анит и другие обвинители не жаждали крови Сократа, не добивались его смерти. Они были бы вполне удовлетворены, если бы Сократ, не подвергнутый аресту, добровольно удалился из Афин и на суд не явился. Но вопреки предупреждению Анита на суд он явился, вполне сознавая грозящую ему опасность.

Текстов обвинительных речей не сохранилось, но предполагается, что обвинители обращали внимание судей главным образом на разлагающий, по их мнению, характер деятельности Сократа. По сообщению Платона, после выступления обвинителей взял слово Сократ и сказал, что он защищается только потому, что этого требует закон. Содержание защитительной речи Сократа, общий ее дух и тон, переданный нам Платоном, по мнению большинства исследователей, наиболее близки подлинной речи самого Сократа, произнесенной им перед судьями. Эта речь состоит из трех частей: защитительной речи перед судьями, речи о мере наказания, обращения к судьям после вынесения смертного приговора.

В первой части речи Сократ говорит о своих прежних и нынешних обвинителях: первые из них — это те неизвестные ему люди, которые по своему невежеству, зависти или злобе распространили измышления о том, что он занимается натурфилософскими проблемами, т. е. тем, что находится под землей и что на небесах, и учит тому, как выдавать ложь за правду. Отвергая это обвинение, Сократ заявляет, что, во-первых, он не видит ничего предосудительного в исследовании натурфилософских проблем; во-вторых, он может найти сколько угодно свидетелей, в том числе среди его судей, которые подтвердят его непричастность к такого рода исследованиям; в-третьих, воспитание людей он считает полезным делом, но если воспитателями считать софистов, т. е. тех, кто берет плату за обучение, то всем известно, что он никакой платы за свои беседы не брал и в роли учителя никогда не выступал.

Далее, на возможный вопрос о том, что «не бывает дыма без огня», Сократ отвечает в том смысле, что многие из почитаемых в городе граждан, будь это правители, поэты, ремесленники или кто другой, не возлюбили его вследствие того, что он подвергал их «испытанию» и обнаруживал их невежество в том, в чем они мнили себя наиболее знающими.

Затем Сократ переходит к своим новым обвинителям (Аниту, Мелету и Ликону) и указывает на необоснованность обоих пунктов их обвинения: развращение молодежи и непризнание богов. Сократ говорит, что нелепо

считать его развратителем молодежи и одновременно признавать, что все остальные граждане, в том числе судьи или сами обвинители, а также законы и народное собрание, никого не развращают, а наоборот, воспитывают. Продолжая, Сократ замечает, что если даже допустить, что он кого-нибудь и развратил, то требуется доказать, что это развращение было умышленным; невольного же развратителя к суду не привлекают, а частным образом наставляют и исправляют.

Переходя ко второму пункту обвинения, Сократ вскрывает противоречивость утверждений «непризнание богов» и «введение новых богов». Ведь отвергать одних богов и признавать других, замечает Сократ, — вовсе не значит быть безбожником, в чем его обвиняет Мелет. И если, продолжает Сократ, Мелет согласен, что «гениев-то я признаю», а гении — дети богов, то «какой же человек, признавая детей богов, не будет признавать самих богов?»

Хотя Сократ ограничился формальным опровержением обвинения его в атеизме, тем не менее он верно указал на двусмысленность понятия «неверие в богов». Религия древних греков, не знавшая строгой догматики так называемых исторических религий, признавала безбожником того, кто вообще отрицал бытие богов, и карала за проявление внешнего неуважения к ним, т. е. за несоблюдение религиозных обрядов, не говоря уже об оскорблении богов, например осквернении их изображений. Правда, признание и почитание государственных богов так или иначе вменялось в обязанность гражданам, поскольку боги в глазах верующего народа были охранителями государства и находящимися в храмах государственных сокровищ. Кроме того, считалось, что вера в одних и тех же богов и в одни и те же клятвы, объединяя граждан, порождает чувство равенства, укрепляет их доверие друг к другу.

С этой точки зрения, у обвинителей Сократа были некоторые, хотя и шаткие, основания считать его «безбожником». Мы говорим «шаткие», потому что мифы о богах, которые заменяли грекам религиозную «догматику», каждый мог трактовать по-своему; позволялось верить в одни из них и не верить в другие. Наконец, в первой части своей речи на суде Сократ сообщает о миссии, полученной им от бога, — воспитывать своих граждан в добродетели.

Сократ говорил на суде не как обвиняемый, а как наставник, призывающий своих сограждан ценить духовные блага выше материальных. И потому он считал недостойным для себя и для судей, а также «для чести всего города» просить суд и самих афинян об оправдании, слезно упрашивать их о помиловании. По той же причине он не пытался привести с собой «своих детей и множество других родных и друзей», чтобы разжалобить судей, хотя и отдавал себе отчет о грозящей ему опасности. Предъявленное обвинение приравнивалось к государственным преступлениям и каралось смертью.

Решение суда было не в пользу Сократа. Он был признан виновным при

соотношении голосов 280 против 221 (по сообщению Диогена Лаэртца, соотношение голосов было 281 против 220). Таким образом, не хватило 30 голосов для его оправдания, поскольку для этого было достаточным получить 251 голос из 501. Впрочем, Сократ и не рассчитывал на оправдание. Но он был удивлен признанием его виновным со столь незначительным перевесом в голосах. Небольшой перевес объясняется, по-видимому, тем, что произнесенная Сократом речь произвела впечатление, равно как и тем, что многие из рядовых афинян при всей своей нелюбви и подозрительном отношении к софистам и натурфилософам терпели их. Почти с уверенностью можно утверждать, что философ не был бы приговорен к смертной казни и дело кончилось бы уплатой штрафа, заключением в тюрьму на определенный срок или же изгнанием из Афин, если бы не одно обстоятельство, о котором мы узнаём из второй части речи Сократа на суде.

В практике судопроизводства греческих полисов было принято, чтобы обвиняемый после признания его виновным сам предлагал себе меру наказания, которую он заслуживает в собственных глазах. Это право, предоставляемое подсудимому, не будучи формально апелляцией, давало возможность смягчить наказание. Оно свидетельствует о гуманности судопроизводства афинян. Суд же присяжных выбирал между двумя (предложенными обвинителем и обвиняемым) мерами. Третий вариант исключался. Так вот, вместо назначения себе какого-либо наказания Сократ предложил нечто совершенно неожиданное для суда.

Он сказал, что для него, человека заслуженного, но бедного, нуждающегося в досуге для назидания своих сограждан, «нет ничего более подходящего, как обед в Пританее!», т. е. получать обед на общественный счет в знак почета и особых заслуг перед государством. Предложение Сократа шокировало суд и было воспринято как дерзость. Сократ, не видя в этом ничего оскорбительного, говорил: «Убежденный в том, что не обижаю никого, я ни в коем случае не стану обижать и самого себя, наговаривать на себя, будто я заслуживаю чего-нибудь нехорошего, и назначать себе наказание». Но если тем не менее, продолжал Сократ, необходимо назначить какое-то наказание, то он готов уплатить одну мину серебра, ибо он беден. Однако более состоятельные его друзья (Платон, Критон, Критобул, Аполлодор) уговаривают его увеличить штраф до 30 мин (т. е. 750—800 руб.), которые они поручаются уплатить за него.

Возбудив недовольство и гнев многих из судей неуместным предложением о назначении ему бесплатного обеда, Сократ не нашел поддержки и своему предложению об уплате штрафа. Суд присяжных вынес ему смертный приговор с большинством уже в 80 голосов.

Третья часть речи Сократа обращена к судьям и друзьям, оставшимся на суде после вынесения ему смертного приговора. По мнению некоторых исследователей, прощальное слово, вложенное Платоном в уста Сократа, представляет собой всецело поэтическую или «стилизованную» правду, а не

исторический факт, т. е. Сократ мог бы сказать это сообразно ситуации и логике вещей, но не сказал на самом деле. Но если даже это так, то вряд ли кто станет подвергать сомнению ценность этой правды. Как бы там ни было, правдоподобно, что, всегда верный себе, Сократ не меняет тона и в своем, пусть предполагаемом, последнем слове к судьям: «Я скорее предпочитаю умереть после такой защиты, чем оставаться в живых, защищавшись иначе». «Я уйду отсюда, приговоренный вами к смерти, а мои обвинители уходят, уличенные правдою в злодействе и несправедливости. И я остаюсь при своём наказании... и мне думается, что это правильно».

Обычно смертный приговор приводился в исполнение сразу же после его вынесения, но в случае с Сократом исполнение приговора было отложено на 30 дней в связи со следующим обстоятельством. Ежегодно афиняне отправляли на остров Делос к храму Аполлона священное судно с дарами, исполняя клятву Тезея, данную им богу Аполлону после уничтожения чудовища Минотавра на Крите и избавления Афин от уплаты дани (семь юношей и семь девушек на съедение Минотавру) критскому царю Миносу. Со дня отплытия священного посольства и до его возвращения в Афины смертная казнь запрещалась.

Друзья Сократа, воспользовавшись этим обстоятельством, навещали его в тюрьме, где он пребывал в ожидании казни, вели с ним беседы и готовили ему побег. Осуществить побег было несложно. Об этом мы узнаем из слов давнего друга, ровесника и земляка Сократа Критона, по имени которого назван один из диалогов Платона. В «Критоне» описывается встреча Критона с Сократом, их беседа за день до возвращения священного судна. Критон пытается уговорить Сократа бежать из тюрьмы. Но Сократ отклоняет настойчивую просьбу друга и остается верным отечественным законам.

Как показано в «Критоне», мотивы отказа от побега вытекают из этического учения Сократа и сводятся к тому, что «несправедливый поступок есть зло и позор для совершающего его, и притом во всех случаях». Поэтому вопреки общественному мнению «не надо ни отвечать на несправедливость несправедливостью, ни делать кому бы то ни было зла, даже если бы пришлось от кого-то пострадать». Тем более нельзя совершать несправедливости в отношении отечественных законов, ибо только благодаря им существует государство, благодаря им Сократ родился от законного брака, получил предписываемое ими воспитание и стал гражданином Афин, которые наделили его всевозможными благами. Будучи гражданином, он обязался поддерживать, а не подрывать законы своего отечества. Как против отца и матери, так и тем паче против государства и его законов недопустимо учинять насилия, даже если испытываешь от них несправедливость, в том числе такую незаслуженную кару, как осуждение на смерть.

Возражая Критону от имени олицетворенных законов, Сократ продолжает: законы позволяют каждому гражданину обсуждать и исправлять их, если они в чем-либо нехороши. Кроме того, законы предоставляют

возможность всякому гражданину, если они ему не нравятся, «взять свое имущество и выселиться, куда ему угодно». Поэтому законы, говорит Сократ, сказали ему: «Ведь у тебя было семьдесят лет — довольно времени, чтобы уйти, если мы тебе не нравились и... казались несправедливыми». И если ты, Сократ, не покинул Отечество, то это является одним из доказательств того, что «тебе нравились и мы, и наше Государство, потому что не обосновался бы ты в нем прочнее всех афинян, если бы не испытывал к нему прочной привязанности». К тому же, «если бы ты хотел, ты еще на суде мог бы потребовать для себя изгнания и сделал бы тогда с согласия государства, то самое, что задумал сделать теперь без его согласия».

Наконец, Сократ исходит из того, что если своим бегством из тюрьмы он нарушит законы, то это явится косвенным подтверждением справедливости обвинения его в нарушении законов и соvrращении юношества. «Ведь губитель законов очень и очень может показаться также губителем молодежи и людей несмышленных». Говоря от имени законов, Сократ замечает, что ему, всю жизнь учившему справедливости и добродетели, не пристало противоречить себе в поступках и бежать из тюрьмы в страхе перед смертью, наподобие жалкого раба. И где ему найти новую родину, если на своей родине он стал нарушителем ее законов? Законы Отечества сказали бы ему: «Если ты теперь отойдешь, то отойдешь обиженный не нами, Законами, а людьми».

Диалог «Федон», написанный Платоном гораздо позже «Апологии Сократа» и «Критона» и посвященный доказательству бессмертия души, характеризует, как было сказано, мировоззрение самого Платона, а не Сократа. Но в этом диалоге в драматических тонах описывается кончина философа, раскрывается нравственный облик Сократа в последние минуты его жизни. Сократ остается Сократом до конца. Он прощается с детьми, женой и родственниками и посвящает оставшееся время беседе с друзьями. Друзья философа подавлены мыслью о предстоящей разлуке с ним и в то же время поражены величиим его духа, его истинно философским спокойствием и необычайным мужеством перед смертью.

Исключительность личности Сократа сказывается и в деталях. Чтобы избавить женщин от омовения своего тела после смерти, Сократ принимает последнюю ванну. Он отказывается ждать захода солнца, как ему советует Критон, и просит принести чашу с ядом, цикутой. Вот как описывает эту сцену Платон. Когда служитель протянул чашу, Сократ взял ее «с полным спокойствием... — не задрожал, не побледнел, не изменился в лице, но... поднес чашу к губам, выпил до дна — спокойно и легко».

Сократ умер. Его смерть запечатлела его личность в памяти поколений. Она в значительной степени определила влияние его личности и учения на все последующие времена.

<...>